

ПРАВОВАЯ ЖИЗНЬ: НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКИЕ ЗАКЛЮЧЕНИЯ, КОММЕНТАРИИ И ОБЗОРЫ

УДК 347.2

Четвертое поколение прав человека в умном обществе и трансформация основных конституционных прав*

Гун Нань

Хэйлунцзянский университет,
Китайская Народная Республика, 150080, Харбин, пр. Сюйфу, 74

Для цитирования: Гун Нань. 2024. «Четвертое поколение прав человека в умном обществе и трансформация основных конституционных прав». *Вестник Санкт-Петербургского университета. Право* 4: 1153–1176. <https://doi.org/10.21638/spbu14.2024.415>

По мере углубленного развития цифровой экономики и умного общества права человека переживают глубокую цифровую трансформацию, тем самым нарушается существующая модель развития третьего поколения прав человека и открывается четвертое поколение прав, представленное так называемыми цифровыми правами человека. Концепция цифровых прав человека может быть определена как законное право человека на бесконечное расширение своей личности с помощью цифровых средств, центральная черта которого заключается в трансграничности, т.е. каждый человек живет в транспространственном, транснациональном и трансличностном киберпространстве. Цифровые права человека стали следствием информационной революции, выступающей в качестве движущей силы их развития. В интенциональной логике произошел фундаментальный поворот, а в сути ценностей была достигнута качественная модернизация. В рамках взаимоотношений происходит социальное расширение взаимосвязанных обязательств. Для этого необходимо разработать совершенно новое видение цифровых прав человека, определить коннотацию понятия цифровых прав человека, обобщить характеристики цифрового перестроения форм прав человека и изучить необходимость их институционализации, тем самым обеспечив эффективную правовую защиту цифровых прав. Самым важным в построении механизма их защиты является вопрос о том, могут ли цифровые права человека войти в сферу конституционной защиты. Для конституций почти всех стран типы и содержание основных прав в целом основываются на достижениях второй промышленной революции. Цифровые

* Исследование выполнено при поддержке проекта по исследованию и планированию в области философии и социальных наук провинции Хэйлунцзян № 22FXB102.

© Санкт-Петербургский государственный университет, 2024

права человека в будущем изменят структуру и содержание большинства основных прав, таких как права личности, собственности, общения, трудовые и другие права, предусмотренные в конституции, что будет способствовать формированию системы защиты цифровых прав человека в различных странах на основе конституции. В предлагаемой статье анализ этих проблем проводится на примере Конституции Китая.

Ключевые слова: умное общество, права человека, информационная революция, цифровые права человека, цифровые характеристики, основные права, конституционные права.

1. Введение

Цифровая эра породила большое количество новых прав, а также заставила ученых задуматься о существовании так называемых цифровых прав человека и их способности стать независимыми правами человека. Как отметил профессор Ма Чаншань, право на автономию данных и информации, право знать о данных и информации, право на выражение данных и информации, право на справедливый доступ к данным и информации, право на конфиденциальность данных и информацию, право собственности на данные и информацию являются правами человека четвертого поколения (Ма 2019). Однако некоторые ученые считают, что цифровые права человека представляют собой ориентир для оценки цифровых технологий или руководства их применением, а не новую категорию, равную существующим правам человека, поэтому маловероятно, что они могут быть признаны в качестве прав человека четвертого поколения (Гао 2022, 150). Для разрешения спора между этими двумя точками зрения нужно понять, является ли цифровой интеллект всего лишь технологией или же полным перестроением человека.

Фактически цифровые технологии уже вступили в эпоху Web 3.0; интеллектуальное взаимодействие, иммерсивное слияние виртуального и реального стали действительностью, а существование виртуального пространства в сети — широко распространенный общепризнанный факт (Чжан, Сюй 2016, 142). Цифровая эра открыла новую форму существования человека и общественной жизни. Что касается личности, то в трех предыдущих поколениях прав человека преобладала физическая личность, а влияние трех промышленных революций в основном заключалось в расширении физической личности, тогда как права человека в цифровую эпоху реагируют на человека, перемещающегося в физическом и виртуальном пространстве, и на его трансцендентную личность (Чжоу, Чжан 2021, 85). Трансцендентная личность каждого человека беспрецедентно расширилась, поэтому цифровые права человека представляют собой новую форму прав, в рамках которой человек с помощью цифровых средств бесконечно расширяет свою личность.

Будучи новым видом прав, в соответствии с которым человек бесконечно расширяет свою личность с помощью цифровых СМИ, цифровые права человека являются четвертым поколением прав человека, которое по своей форме отличается от прав трех предыдущих поколений. Однако принятие ряда новых прав в соответствующих законодательных положениях, а также принятие специального законодательства в области цифровых технологий далеко не достаточны для того, чтобы полностью гарантировать цифровые права человека. Структура и содержание системы основных прав, закрепленной в нынешней Конституции Китая, должны быть изменены на фоне цифровой революции. Иными словами, речь идет

не о переосмыслении того или иного основного права, закрепленного в Конституции, а о структурной и типологической перестройке основных прав, что должно привести к установлению руководящих принципов на уровне основного закона. В соответствии с этим в настоящей статье рассматриваются изменения разных поколений прав человека и формирование цифровых прав человека, анализируются неотъемлемые атрибуты цифровых технологий и их влияние на права человека, разъясняются основное содержание концепции цифровых прав человека и необходимость их институционализации; на этой основе переосмыляется система основных прав, закрепленная в Конституции Китая. По нашему мнению, это полезно как образец для сравнения при правовом преобразовании России в цифровую эпоху.

2. Основное исследование

2.1. Смена поколений прав человека и формирование цифровых прав человека

По сравнению с естественными правами, концепция и идея прав человека зародились позднее. Публикация Всеобщей декларации прав человека¹ в 1948 г. привела к тому, что права человека постепенно превратились из постоянно изменяющейся в относительно сформированную концепцию. Концепция «трех поколений прав человека» была впервые выдвинута в 1977 г. юрисконсультom ЮНЕСКО и ученым в области прав человека Карелом Васакom²; она рассматривала права человека первого поколения как гражданские и политические права, в том числе право на жизнь, равенство, имущество, выборов, свободу слова, свободу вероисповедания и др. Вторым поколением прав человека являются экономические и социальные права, культурные права, включая право на занятость, социальное пособие, социальное обеспечение и т. д. Третьим поколением прав человека являются коллективные и солидарные права, такие как право народов на самоопределение, право на здоровую природную среду, на выживание, на развитие, права ребенка, права коренных народов и т. д. (Чжан 2021a, 89). Карел Васак, в свою очередь, считает, что смена трех поколений прав человека — последовательное проявление идеи «свободы, равенства и братства» Французской революции (Дин 2022, 56). Межпоколенческая концепция прав человека небесспорна, однако является одной из наиболее часто упоминаемых форм разделения прав человека на категории. Концепция прав человека извлекала уроки из европейской истории и пронизана евроцентризмом. Концепция трех поколений прав человека преувеличивает влияние европейского Просвещения на современные нормы в области прав человека, игнорируя исторический контекст возникновения требований к правам в разных странах. Развитие прав человека в разных странах протекало неодинаково, и использовать европейский путь исторического развития прав человека в качестве модели для незапад-

¹ 世界人权宣言 [Всеобщая декларация прав человека. 10.12.1948]. Дата обращения 16 ноября, 2024. <https://rqyjy.seu.edu.cn/2020/1230/c27782a358125/page.htm>.

² Карел Васак (Karel Vašák) — французский юрист чешского происхождения, международный чиновник, профессор, специалист в области прав человека, автор концепции трех поколений прав человека. Дата обращения 15 ноября, 2024. <https://bigenc.ru/c/vasak-karel-afd127?ysclid=lwev4s11yg58337915>.

ных стран проблематично. Цифровые права человека — четвертое поколение прав, они способны устранить «пассивный баланс» права голоса незападных стран (или даже отсутствие такого права), а также укрепить позиции развивающихся стран в области защиты прав человека.

Гражданские и политические права человека *первого поколения* были сосредоточены главным образом на тех правах, которые затрагивают свободу выражения мнений и участие человека в политической жизни. Эти права (также называемые «голубыми»), как правило, связаны со свободой и проистекают из двух основных идей либерально-конституционной традиции: индивидуальной свободы и защиты личности от посягательств со стороны государства, отставания защиты прав граждан против государственной власти (право на оборону). Первоначально эти права были закреплены во французской Декларации прав человека и гражданина³, а затем в ст. 3–21 Всеобщей декларации прав человека, в том числе право на жизнь, свободу и безопасность, конфиденциальность, справедливое правосудие, равенство, свободу от пыток и бесчеловечного обращения, свободу от рабства и принудительного труда, свободу религии, слова, союзов и передвижения. Политические права закреплены в ст. 19–21 Всеобщей декларации прав человека, а также в Международном пакте о гражданских и политических правах⁴ (ст. 18, 19, 21, 22 и 25) и включают в себя право человека на участие в политической жизни как непосредственно, так и косвенно через избранных представителей. Во время холодной войны гражданские и политические права стали приоритетом для западных стран. Некоторые западные страны косно отождествляют эти гражданские и политические права с единственной основой демократического правового государства и используют их в качестве главного критерия в борьбе за права человека и в разделении лагерей в рамках защиты прав человека в период холодной войны, что оказало глубокое воздействие на развитие глобальной поляризации прав человека (разделение на гражданские и политические права, экономические, социальные и культурные права).

Экономические, социальные и культурные права *второго поколения* в основном закреплены в Международном пакте об экономических, социальных и культурных правах⁵ и ст. 22–29 Всеобщей декларации прав человека. Экономическим и социальным правам посвящены ст. 22–26 Всеобщей декларации прав человека. К числу экономических прав относятся право на труд, на свободный выбор работы или на свободное согласие на нее, на справедливую заработную плату, разумное ограничение рабочего времени и профсоюзные права. Социальные права перечислены в ст. 6–14 Международного пакта об экономических, социальных и культурных правах и включают в себя право на здоровье, жилище, питание, социальную помощь и образование. Культурные права закреплены в ст. 27–28 Всеобщей декларации прав человека: право на свободное участие в культурной жизни общества, на участие в научном прогрессе и на защиту моральных и материальных благ, связанных с наукой.

³ 人权和公民权利宣言 [Декларация прав человека и гражданина. 26.08.1789]. Дата обращения 15 ноября, 2024. https://baike.baidu.com/item/人权宣言/909435?fr=ge_ala.

⁴ 公民权利和政治权利国际公约 [Международный пакт о гражданских и политических правах. 16.12.1966]. Дата обращения 15 ноября, 2024. <https://rqjy.seu.edu.cn/2020/0319/c27782a321354/page.psp>.

⁵ 经济、社会和文化权利国际公约 [Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах. 16.12.1966]. Дата обращения 15 ноября, 2024. <http://www.scio.gov.cn/ztk/xwfb/09/5/Document/655628/655628.htm>.

Эти права касаются того, как люди живут и работают вместе, а также бытовых предметов первой необходимости. Они основаны на идее равенства и гарантируют доступ к необходимым социальным и экономическим продуктам, услугам и возможностям. Данные права возникли в результате всеобщей идеи равенства, порожденной идеями гуманизма и социализма в XIX в., поэтому второе поколение экономических, социальных и культурных прав также называют «красными». Экономические, социальные и культурные права требуют более активных действий со стороны государства (главным образом права на получение дохода), направленных на обеспечение доступа к этим объектам или по крайней мере на создание условий для такого доступа; они считаются жизненно важными в современном мире. Это означает, что правительство обязано выполнять свои обязательства по их соблюдению, поощрению и осуществлению, однако выполнение этих обязательств зависит от наличия ресурсов в стране. В целом переход от первого ко второму поколению прав человека представляет собой преобразование от политической к материальной демократии, от правового демократического государства к правовому общественному государству. Причина этого преобразования заключается в том, что рабочее движение и идеология интернационализма, несомненно, повысили осведомленность граждан о потребностях; у людей появились новые требования и новые идеи о смысле достойной жизни. Люди понимают, что человеческое достоинство требует не только минимального государственного вмешательства, предлагаемого гражданскими и политическими правами, но и самой высокой степени позитивных действий государства в области экономических, социальных и культурных прав. Таким образом, второе поколение прав человека предложило концепцию социального государства, гарантирующего средства достойной жизни и развития в соответствии с требованиями экономических, социальных и культурных прав.

Коллективные права, права на природную среду и права на развитие, включенные в *третье поколение* прав человека, — относительно новые категории. К ним относятся право на самоопределение, мир, развитие, здоровую природную среду, культурное наследие, права потребителей, детей и пожилых людей, а также право на защиту от генетических манипуляций. Эти права, являющиеся в основном результатом подъема и падения национальных государств во второй половине XX в., поддерживались странами третьего мира и были тесно связаны с ростом национализма в этих странах и осознанием развивающимися странами того, что существующий международный порядок не отвечает их интересам. Права человека третьего поколения, также известные как «солидарные» права, носят коллективный характер и связаны с ценностями человеколюбия, затрагивают жизнь всех людей и потому требуют глобального сотрудничества для их реализации. Однако в отношении прав человека третьего поколения по-прежнему существует немало споров, и это приводит к тому, что термин «права человека третьего поколения» остается в значительной степени неофициальным, как и так называемые зеленые права. Помимо права на самоопределение, к третьему поколению прав человека, которые до сих пор имели официальный статус прав человека, фактически относится право на развитие. Официальный статус праву на развитие был придан в Венской декларации и программе действий⁶, где подтверждались как коллективные, так и индиви-

⁶ Вiena宣言和行动纲领 [Венская декларация и программа действий (ВДПА). 25.06.1993]. Дата обращения 15 ноября, 2024. <https://www.doc88.com/p-336737030737.html?s=rel&id=1>.

дуальные права, при этом индивид рассматривался в качестве основного субъекта развития. Права человека третьего поколения от прав человека первого и второго поколений отличает то, что субъекты превращаются в группы или коллективы (противостояние международной державе и солидарное право на сотрудничество между человечеством), а не в противостоящих государству граждан (права человека первого поколения), индивидов перед обществом (права человека второго поколения). Как отмечается во многих прогрессивных международно-правовых документах, включая Декларацию Конференции ООН по проблемам окружающей человека среды (Стокгольмская декларация)⁷ и Декларацию по окружающей среде и развитию (Рио-де-Жанейрская декларация)⁸, права человека третьего поколения выходят за рамки гражданских и социальных прав, ограниченных национальными границами, согласуются с глобализацией и отвечают потребностям человеческого общества и планеты, проповедуя право на мир и здоровую природную среду для всех народов планеты, а также солидарность как основополагающую ценность. В этом смысле права человека третьего поколения характеризуются защитой природы, ответственным потреблением, прекращением дискриминации в отношении меньшинств (Ян 2022, 16).

Сама суть прав человека заключается в праве обладать правами, притязания на которые вытекают из колоссальных исторических потрясений. Если рассматривать гражданские и политические права, признанные после Французской революции 1789 г., в качестве прав человека первого поколения, то экономические, социальные и культурные права, порожденные рабочим движением в XIX в., являются правами человека второго поколения. Подъем национализма в третьем мире после Второй мировой войны вызвал волну коллективных прав, прав на здоровую природную среду и развитие третьего поколения прав человека, в то время как права человека четвертого поколения развивались вместе с защитой граждан от цифровых технологий и с использованием благ после цифровой революции в конце XX в.

Необходимость создания *четвертого поколения* прав человека заключается именно в том, что фоновые знания в промышленно-коммерческом контексте, олицетворяемые тремя предыдущими поколениями прав человека (гражданскими и политическими правами, экономическими, социальными и культурными правами и правом на солидарность), уже являются знаниями в контексте цифрового общества, которое значительно изменилось. Скачок фоновых знаний от промышленно-коммерческого этапа к этапу цифрового общества должен сопровождаться перестроением прав человека в соответствии с законами производства и жизни цифрового общества, для чего необходимо добиться прогресса в области прав человека в соответствии с логикой цифрового общества; в противном случае не будет достаточных инструментов защиты прав для эффективной защиты личных прав. Одним словом, особые черты цифрового общества требуют особых прав для их гарантии. Как отметил профессор Ма Чаншань, современная концепция прав человека, основанная на духе Просвещения в качестве источника ценностей, стал-

---

⁷ 联合国人类环境会议的宣言 [Декларация Конференции ООН по проблемам окружающей человека среды. 16.06.1972]. Дата обращения 15 ноября, 2024. https://legal.un.org/avl/pdf/ha/dunche/dunche_c.pdf.

⁸ 里约环境与发展宣言 [Декларация по окружающей среде и развитию. 14.06.1992]. Дата обращения 15 ноября, 2024. <https://www.docin.com/p-1345302953.html>.

кивается с вызовами в области прав человека в цифровую эпоху. Эта современная модель обеспечения прав человека неустойчива, поэтому необходимо перестроить ценности в области прав человека в соответствии с законами производства и жизни цифрового общества, утверждать и защищать цифровые права человека (Ма 2019).

Одной из отличительных черт цифровых прав человека является конкретный объект — это информация (данные), представленная в специальном цифровом виде. Цифровые права человека реализуются с помощью цифровых технологий (цифровая реализация прав) и принадлежат только «цифровым людям» (людям с цифровыми атрибутами). Обязательства в области цифровых прав человека включают как позитивные, так и негативные обязательства государств и частных субъектов. Таким образом, цифровые права человека лучше привязаны к новому отдельному поколению (или системе) прав. Это решает проблему того, что «без новых прав нет нового поколения прав человека». В то же время права человека четвертого поколения как рамка прав в целом могут решить проблему того, что в цифровую эпоху «появились новые права, но это не обязательно права человека». Например, некоторые страны предоставляют роботам соответствующие права, однако трудно сказать, что это права человека, а оттого они не могут быть отнесены к категории прав человека четвертого поколения. Таким образом, основные черты прав человека четвертого поколения заключаются в необходимости цифровых прав в контексте цифрового общества и их цифровой реализации.

Поскольку три предыдущих поколения прав человека касались главным образом участия общественности, уровня жизни и справедливого развития в физическом мире, в котором речь шла о людях, имуществе, вещах и поведении в физическом смысле, понятие данных и информации в них практически отсутствовало. Сегодня, когда наступает цифровая эра, все — от личной конфиденциальности до общественной жизни, от одежды, еды, жилья до общественной безопасности — находится в ускоренном процессе информатизации и цифровизации; абсолютной офлайн-деятельности становится все меньше, разграничение виртуального и реального миров теряет прежнее значение, цифровая жизнь каждого человека станет более детализированной. Таким образом, права человека, включая право на жизнь и собственность, участие в политической жизни, труд и занятость, социальное обеспечение, культуру и образование, либо деконструируются и реконструируются с помощью информатизации и цифровизации (например, конфиденциальность и личность, умное управление и участие общественности, защита виртуальной собственности, свобода слова в киберпространстве и т. д.), либо сталкиваются с совершенно новыми вызовами (например, цифровой разрыв, алгоритмическая дискриминация, алгоритмическое господство, социальный мониторинг и т. д.). Одновременно с этим данные и информация становятся не только незаменимыми драгоценными ресурсами для цифровой жизни людей, но и носителями нового типа и выражением ценности, для которых права человека в новую эпоху все более важны. Будь то характеристики прав человека, их элементы, содержание или форма прав человека, — все они переходят от физического отношения к правам человека трех предыдущих поколений к цифровому отношению к нынешним правам человека, что, в свою очередь, представляет собой движущую силу и основу развития прав человека четвертого поколения. В настоящее время цифровые права человека

могут стать более эффективными только в том случае, если они будут подкрепляться цифрами, способствующими соблюдению прав человека в соответствии с объективными потребностями умного общества.

2.2. Права человека четвертого поколения в контексте умного общества

Информационная революция привела не только к расширению и распространению существующих способов производства и образцов жизни, но и к глобальной замене традиционного промышленно-коммерческого общества новым умным обществом, в результате чего возникло четвертое поколение прав человека — так называемые цифровые права человека. Используя производственно-жизненные отношения в двойном пространстве в качестве социальной основы, цифровую информационную ориентацию и соответствующие права и интересы человека в качестве формы выражения, всестороннее развитие человека в разумном обществе в качестве основного требования, данные права преодолели те ограничения физического пространства, времени и биологических свойств, которым подвергались права человека первых трех поколений. В результате произошли трансформация и модернизация прав на свободу и равноправие, экономических, социальных и культурных прав, права на выживание и развитие. Речь идет как о представлении прав человека первых трех поколений в цифровой форме и их соответствующей защите в условиях интеллектуального развития, так и о появлении новых видов прав на данные и информацию и их соответствующей защите. Суть такой защиты заключается в правах, которыми в цифровую эпоху и в условиях интеллектуального развития человеческая личность должна пользоваться.

2.2.1. Движущие силы развития, вытекающие из информационной революции

За каждым поколением, порождающим права человека, стоит революция. Права человека первого поколения — это гражданско-политические права, за которые выступало европейское правозащитное движение XVIII в. и за которыми стояла антифеодальная и антиавторитарная буржуазная революция. Права человека второго поколения — это экономические, социальные и культурные права, выдвинутые социалистическим движением конца XIX — начала XX в., за которыми стоит социалистическая революция против эксплуатации капитала и разделения на богатых и бедных. Права человека третьего поколения — это право наций на самоопределение и выживание, возникшее в процессе антиколониализации после Второй мировой войны, за которым стоит национальная революция за национальную независимость. За современным умным обществом стоит информационная революция, которая также привела к эмансипации человечества и институциональной трансформации. Разница заключается в том, что эта революция произошла не в форме вооруженной борьбы, а в технологической форме, перевернула производственные и жизненные отношения, свойственные для традиционных промышленно-коммерческих эпох, сформировала беспрецедентное информационное и интеллектуальное существование человека. Это

неизбежно вызовет серьезные институциональные изменения в направлении сетевого, цифрового и интеллектуального развития и создаст новое поколение форм прав человека.

2.2.2. Фундаментальный поворот в коннотационной логике

Коннотационная логика эволюции прав человека первых трех поколений заключалась в переходе от индивидуальных прав человека к коллективным. От политических прав к экономическим, социальным и культурным правам и правам на выживание и развитие, от негативных прав, которые гарантируются властвованием путем невмешательства со стороны государства⁹, к позитивным правам, для реализации которых требуется активное вмешательство государства, к коллективным сопутствующим правам на условия жизни человека и т. д. Из этого следует, что в основе сценария лежит физическое пространство, заданное Творцом (природой), основанное на производственной жизни в промышленно-коммерческую эпоху. Поэтому и участие в политической жизни, и экономическое обеспечение или развитие жизни в основном разворачиваются в логических рамках физического пространства и зависят от биологических свойств человека. В современную эпоху развития умного общества благодаря информационным технологиям человечество впервые вышло за пределы «поля Творца» и приступило к физической/электронной (реальной/виртуальной) жизни в двойном пространстве. Материальное производство, коммерческая торговля и повседневное общение людей осуществляются как онлайн, так и офлайн. Ролевая идентичность людей, их социальные отношения, их коммуникативное поведение и даже их речевое общение уже не просто биологически обусловлены, как было на протяжении тысячелетий, а все чаще конструируются и представляются в информационном и цифровом виде.

Таким образом, человек, будучи хозяином всего живого, приобретает беспрецедентные двойные свойства: реальное и виртуальное, биологическое и информационное, а права человека неизбежно содержат слишком много данных и информации, которые изменяют и даже определяют характер и направленность этих прав. Ценностное достоинство, свобода и равенство, участие в политической жизни, экономическая безопасность, равные возможности, труд и занятость, условия жизни человека и многое другое в традиционном едином физическом пространстве неизбежно столкнутся с огромными потрясениями и потребуют глубокого перестроения интернетизации, цифровизации и интеллектуализации. «Мы, вероятно, живем в условиях отсутствия конфиденциальности, под незримым контролем некоторых сверхдержав; многие люди не смогут найти работу, потому что не имеют навыков выживания в будущем, и богатство может быть еще более сконцентрировано в руках небольшого числа людей» (У 2016, 331). Таким образом, объективные

---

⁹ Концепция властвования путем невмешательства означает управление путем недеяния, т. е. примером собственных достоинств. Она исходит из китайской даосской философии, особенно тесно связанной с Лао-цзы и его работой «Дао дэ цзин». Лао-цзы считает, что самый идеальный правитель руководит своим народом, не вмешиваясь в естественный процесс и позволяя всем вещам развиваться в соответствии с их естественным состоянием, тем самым возможно достичь социальной гармонии и политической стабильности. Данная концепция подчеркивает необходимость соблюдения законов природы и сокращения вмешательства государства; слишком сильное вмешательство разрушит естественный порядок и социальное равновесие.

требования в отношении развития и перемен в области прав человека в настоящее время заключаются не в увеличении видов и числа прав или расширении прав человека в традиционную промышленно-коммерческую эпоху, а в фундаментальном изменении прав человека в эпоху цифровых технологий. Это и есть права человека четвертого поколения — цифровые права человека, которые используют данные и информацию в качестве носителей и демонстрируют основные права человека в умном обществе на цифровую модель существования и потребности в развитии. К таким основным правам относятся права на автономию данных и информации, на получение информации, на выражение данных и информации, на их справедливое использование, конфиденциальность, а также права собственности на данные и информацию. Цель человека больше не ограничивается традиционной борьбой с угнетением, привилегиями и властным контролем. Возникает борьба с гегемонией технологий и контролем данных и информации, появляется потребность в решении многих проблем и вызовов в области прав человека (преодоление информационного разрыва, вторжения в частную жизнь, алгоритмической дискриминации, расширение мониторинга и устранение препятствий на пути осуществления права на получение информации).

2.2.3. Качественная модернизация на уровне ценностного ядра

Любой человек должен обладать правами, и к каждому человеку должны относиться с учетом прав человека — в этом состоит не только универсальный и нравственный характер прав человека, но и их ценностное ядро. Вместе с тем на каждом этапе изменений и развития в области прав человека происходят опережение и усовершенствование существующих ценностей в области прав человека. Права человека второго поколения вышли за рамки концепции формальной свободы и равенства, характерной для прав первого поколения, и перешли к более содержательному взгляду на экономические, социальные и культурные права. Третье поколение прав человека вышло за рамки концепции индивидуальных прав второго поколения и перешло к концепции коллективных прав, ориентированной на выживание и развитие. То же самое можно сказать и о правах человека четвертого поколения.

Во-первых, указанные права значительно расширяют автономию человека. В теории прав человека ценность человеческой личности и социальные факторы равенства являются важными основами прав человека, в то время как автономия, благосостояние и свобода представляют собой «триаду, составляющую высший уровень прав человека» (Флориди 2018, 351). Каждое новое поколение прав человека значительно расширяет возможности осуществления этих прав на самом высоком уровне. В современную цифровую эпоху семейная идентичность, общественные отношения, жизненное поведение людей сознательно и неосознанно представляются в виде данных и информации в виртуальном и реальном виде. Возникло «цифровое человечество» новой эпохи, умное общество, охватывающее пространство и время. В нем все вещи взаимосвязаны, оно интеллектуальное и эффективное, свободное и удобное. Таким образом, данные и информация являются основополагающими элементами для участия каждого человека и создания им умной жизни, а также элементами, ресурсами и средствами для самостоятельно-

го, целостного, плюралистического и самостоятельного построения и выражения человеческой личности в мире. «Любой, кто владеет нашей информацией, также владеет частью нас самих, разрушая окружающую среду, тем самым подрывая нашу самобытность и автономию от мира» (Гриффин 2015, 179). Отношение к цифровым правам человека как к правам человека четвертого поколения, суть которого заключается в том, что «спрос на интеллектуальное развитие создал права человека» (Флориди 2018, 379), нацелено на устранение таких угроз в области прав человека, как информационная пропасть, алгоритмическая дискриминация, гегемония алгоритмов и мониторинг общества. Это значительно повышает автономию человека в цифровую эпоху, усиливает защиту прав человека «цифрового человечества», а затем «проектирует более человеческое общество» (Пентленд 2015, 185).

Во-вторых, права человека четвертого поколения ведут к расширению прав и возможностей (empowerment) человека в новую эпоху. В ходе этой информационной революции «люди привносили естественную логику в машины, а также привносили в жизнь технологическую логику» (Келли 2016, 5). Государство, общество и одежда, питание, жилье, транспорт становятся все более цифровыми и интеллектуальными, что выходит за рамки логики интересов и прав в физическом пространстве (включая формы нарушения прав и защиты прав) и формирует логику данных и информации, основанную на смешении виртуального и реального, на взаимодействии сценариев. Все это непосредственно «затрагивает достоинство личности и свободу человека» (Ван 2012, 15). Таким образом, расширение цифровых прав человека до статуса четвертого поколения прав человека соответствует требованиям времени, повышая значение данных и информации и их и защиту в области ценности и достоинства человека, выступающих ключевыми ценностями прав человека. Тем самым обеспечивается усиление ценностей прав человека цифровую эпоху, в противном случае права человека будут серьезно нарушены и даже могут потерять свою социальную основу.

В-третьих, права четвертого поколения способствуют повышению качества прав человека. Любой значительный прогресс в области прав человека ведет к освобождению, и а его конечная цель — «всестороннее развитие человека», о чем неоднократно говорил еще Маркс. Однако развитие и трансформация трех поколений прав человека — от прав на свободу и равенство к экономическим, социальным и культурным правам, и далее к правам на жизнь и развитие — происходили в контексте физического пространства и биологического измерения. Это также ограничивало их характеристики как моральных прав, универсальных прав и прав на сопротивление, а также сферу применения. С наступлением цифровой эпохи, когда человек приобретает атрибуты данных и информации в дополнение к биологическим атрибутам, а за пределами физического (реального) пространства расширилось электронное (виртуальное) пространство, это привело к тому, что теоретическая логика и коннотационные ценности прав человека предыдущих трех поколений уже не охватывают последствия информационной революции. В результате становится неизбежным переход к правам человека четвертого поколения. Более того, по сравнению с правами человека предыдущих трех поколений, человечество столкнулось с более сложной и изменчивой технологической революцией, в которой сосуществуют вызовы и возможности. Поэтому необходимо сдерживать негативные риски, связанные с развитием сетевизации, цифровизации и интеллек-

туализации, максимально превращая их достижения в способность к свободному развитию человека, в способность преодолеть физическое пространство-время и биологические границы самого человека, обозначенные Творцом. Тем самым возможно приблизиться к достоинству и ценности человеческой личности, а также открыть ранее немыслимое пространство для человеческой природы и «создать человека посредством прав человека» (Дузина 2002, 399). Таким образом, права человека четвертого поколения представляют собой не расширение прав человека предыдущих трех поколений, а повышение качества прав человека в результате информационной революции и развития умного общества.

2.2.4. Социальное расширение взаимосвязанных обязательств

С момента своего зарождения доктрина прав человека в современной истории развивалась в рамках отношений между гражданином и государством. Однако в настоящее время в результате перехода от бинарной структуры к трехмерной и в условиях двоевластия, о чем говорилось выше, прежняя структура отношений между гражданином и государством стала более ограниченной и возникла настоятельная необходимость в расширении связанных обязательств технологических компаний, коммерческих платформ и других субъектов.

Во-первых, социальная власть становится новой силой, угрожающей правам человека. Отличительной особенностью нового формата цифровой экономики является то, что децентрализация сосуществует с рецентрализацией, демонстрируя тенденцию децентрализованных масс, централизованных платформ и мониторинговых обществ. В частности, постоянно возникают такие проблемы, как информационный разрыв, дискриминация алгоритмов и черные ящики алгоритмов. Таким образом, не только государства (правительства), но и технологические компании и коммерческие платформы, осуществляющие квазизаконодательную, квазиадминистративную и квазисудебную власть, представляют угрозу для прав человека в том, что касается неприкосновенности частной жизни, свободы и равенства, социальной справедливости, труда и занятости. В такой ситуации обязанности государства (правительства) недостаточны для защиты прав человека. Необходимо, чтобы эти социальные силы взяли на себя ответственность за саморегуляцию и обязанности по избежанию нарушения прав человека.

Во-вторых, способы нарушения прав человека становятся все более технологичными. Производство, жизнь и повседневное общение человека становятся все более цифровыми и информационными, а способы и пути нарушения прав человека — более техническими и автоматизированными. Хотя сбор и добыча данных, алгоритмы моделирования, внедрение программного обеспечения и т. д. в большей степени демонстрируют «нейтралитет», «объективность» и «прогрессивность» технологии, под этой «объективностью» часто скрываются нарушения свободы и равенства, человеческого достоинства, личной конфиденциальности, самостоятельного выбора, прав на образование и занятость. В настоящее время как правительство, так и общественность являются «непрофессионалами» по отношению к этим передовым технологиям, что увеличивает затраты и затрудняет защиту прав человека для государства, которое не может эффективно выполнять свои традиционные обязанности в области защиты прав человека, и ему действительно необходи-

мо установить минимальные обязанности не нарушать права человека для тех, кто обладает технологическим превосходством.

В-третьих, бесшовное соединение в рамках глобализации информации уже вышло за пределы суверенных территорий. Такие крупные интернет-компании и коммерческие платформы, как Apple, Amazon, Google, Alibaba, Baidu, JD.com, имеют транснациональный глобальный бизнес. К тому же сетевизация, цифровизация и интеллектуализация сами по себе создаются и процветают в безграничном виртуальном мире, что значительно выходит за рамки охвата и силы суверенитета одной страны. Таким образом, проблемы прав человека, которые они приносят, создадут определенные регулятивные дилеммы для географически суверенных стран. Поэтому в отношении этих субъектов социальной власти необходимо установить ряд международных обязательств по защите прав человека. Иными словами, при социальном распространении взаимосвязанных обязательств государство (правительство) должно не только принимать активное участие в выполнении обязательства по защите, но и контролировать/регулировать деятельность субъектов социальной власти, делать все возможное для пресечения нарушений прав человека и для того, чтобы умное общество продвигалось в более гуманном направлении, тем самым установив правопорядок, основанный на хорошем законе и справедливом управлении.

2.3. Характеристики цифровых прав человека

С недавних времен права человека перешли из политической концепции в позитивизм, и в большинстве стран они рассматриваются как основа статутного права. Цифровые права человека как права человека четвертого поколения, с одной стороны, отличаются от прав человека предыдущих трех поколений (эта особенность определяет, что статутное право предоставляет различные типы прав и интересов в защите цифровых прав человека), а с другой — так и принадлежат категории прав человека. Поэтому они схожи с предыдущими тремя поколениями прав человека в том, что касается необходимости институционализации, однако при этом и отличаются от них.

Как было сказано выше, когнитивные разногласия по вопросу о цифровых правах человека сосредоточены главным образом на двух направлениях. Во-первых, цифровая трансформация прав человека первых трех поколений рассматривается как право человека четвертого поколения; «права человека в эпоху цифровизации» не равны «цифровым правам человека» в связи с тем, что не было замечено революционных изменений в цифровых средствах по сравнению с традиционными средствами; их целью все еще остается защита личности в физическом пространстве. Во-вторых, считается, что четвертое поколение прав человека ограничивается киберпространством, что фактически является продолжением мышления в физическом пространстве. Цифровые права человека не отрицают физическую личность; они скорее указывают на трансцендентную цифровую личность, т. е. личность каждого человека находится между физическим и виртуальным пространством, имеет транспространственное, транснациональное, трансрегиональное присутствие. Поэтому особенность прав человека в цифровых технологиях по сравнению с предыдущими тремя поколениями заключается в том, что расширение человеческой

личности цифровыми средствами влечет за собой возникновение независимого вида прав человека; важнейшей характеристикой прав человека в цифровой форме выступает трансграничность.

Трансграничность также является уникальной чертой цифровых прав человека. Она находит конкретное выражение в «многомерном монизме» (1 + N). «Монизм» указывает на то, что субъектом прав человека выступает человек, вся концепция прав человека заключается в защите важных ценностей, которыми дорожит человеческая личность. В традиционной концепции прав человека монизм соответствует индивидуальной личности каждого человека, в нынешнюю эпоху слабого цифрового искусственного интеллекта¹⁰ монизм прав человека в цифровых технологиях указывает на трансграничность личности каждого человека. «Многомерность» же проявляется в том, что при помощи цифровых средств индивидуальная личность приобретает многомерные черты. Во-первых, в пространственном измерении цифровые права человека существуют между физическим пространством и виртуальным (метавселенной), являясь межпространственным правом человека. По общему мнению, киберпространство состоит из трех накладывающихся друг на друга уровней: нижний уровень — это физический слой, состоящий из сетевой инфраструктуры; промежуточный уровень — логический слой, т.е. слой кода и алгоритма; верхний уровень — контентный или виртуальный слой (Klimburg 2017, 35). Таким образом, цифровые права человека охватывают все звенья — от доступа к сети, присутствия в ней и до отсоединения от нее. Все уровни находятся в сфере защиты цифровых прав человека. Во-вторых, с политической точки зрения права человека сами по себе превалируют над государством, а цифровые права человека, появившиеся в эпоху суверенных государств, представляют собой транснациональные и трансрегиональные права. В-третьих, с точки зрения человеческой личности публичный характер прав человека означает не только то, что они включают в себя демократическую процедуру, но и то, что выражают не монологическую индивидуальную (monologic) личность, а трансиндивидуальную. Эта трансиндивидуальная личность получила беспрецедентное развитие на фоне революции цифровых средств, с помощью которых каждый человек может общаться и контактировать с людьми по всему миру. Географические границы между странами и регионами больше не являются препятствием. Интернет-платформы в значительной степени способствовали реализации трансиндивидуальной личности и, следовательно, стали новыми социальными силами, которые изменяют государственную форму.

Права человека в эпоху цифровизации как один из типов прав человека обладают такими присущими общим правам человека характеристиками, как идеальность, универсальность, приоритетность и т.д. Более того, они обладают преимуществом по отношению к этим характеристикам. Идеальность цифровых прав человека проявляется в их безграничности для развития личности: невозможно достичь полно-

---

¹⁰ Слабый искусственный интеллект (ИИ) может выполнять только определенные задачи и функции на основе предварительно запрограммированных инструкций и данных и не способен к самостоятельному мышлению и принятию решений. Обычно используется для повышения производительности и эффективности, например в производстве, здравоохранении и финансовой сфере. Сильный ИИ обладает чертами человеческого интеллекта, может мыслить и принимать решения как человек, обладает высокой степенью автономии и самосознания. Способен к самообучению и самовосстановлению, может адаптироваться к новым условиям и задачам, способен самостоятельно принимать разумные решения.

го бесконечного расширения личности, и это осуществимо только в максимально возможной степени. Универсальность цифровых прав человека заключается в том, что они доступны каждому человеку. Общие права человека имеют универсальный характер субъекта, но универсальность цифровых прав более широка. Универсальность — идеал для многих субъектов, однако она имеет определенные недостатки. По сравнению с традиционными правами человека, права человека в цифровой форме достигли более высокого уровня универсальности, поскольку большее число людей, включая инвалидов, добились расширения своей личности с помощью цифровых средств. Приоритетность состоит в том, что человеческая личность с помощью неограниченного распространения цифровых средств имеет преимущественную силу над созданием национального статутного права в любой стране. Очевидно, что этот приоритет имеет лишь идеальную моральную силу и на практике подчиняется как международным, так и национальным порядкам и системам.

Кроме того, цифровые права человека носят весьма абстрактный характер. Такая высокая степень абстрактности проявляется в каждом элементе структуры прав человека, включая субъект, обязующиеся лицо и ограничения. Абстрактность субъекта цифровых прав человека заключается в том, что можно утверждать только трансиндивидуальную личность в абстрактном смысле и что цифровые права человека, как только они претворяются в жизнь или персонифицируются, по своей сути порождают противоречия. Например, индивидуальная личность неизбежно столкнется с дилеммой выбора между физической и виртуальной личностью, возникнет противоречие между национально-государственной идентичностью и анархической идентичностью в виртуальном пространстве. Что касается лиц, несущих обязанность для цифровых прав человека, то они могут быть государствами и их гражданами, зарубежными странами или транснациональными интернет-гигантами. Ответ на вопрос об ограничении цифровых прав человека нельзя дать лишь на основании осуществления прав человека в цифровой форме каждого индивидуального человека. Ограничения могут исходить как от других лиц, предприятий, государств, так и от других государств, а также от международных организаций. Говоря конкретнее, цифровые права человека всегда включают в себя два потенциально противоречащих друг другу права: право на свободу коммуникации и право на неприкосновенность частной жизни; право на забвение и право на получение информации; право на ведение бизнеса и право на прозрачность алгоритмов; и т. д. Это означает, что во имя цифровых прав человека различные люди могут требовать защиты противоречащих друг другу интересов, которые зачастую носят транснациональный, трансрегиональный и транспространственный характер. Таким образом, высокая абстрактность цифровых прав человека также является своего рода открытостью, которая транснациональна, трансрегиональна, транспространственна и ориентирована на будущее развитие.

2.4. От цифровых прав человека к основным конституционным правам

Взаимосвязь между цифровыми правами человека и основными конституционными правами является двойкой. Правовая система государства должна руководствоваться основными правами на конституционном уровне, чтобы эффектив-

но осуществлять защиты прав и интересов, связанных с цифровыми технологиями. В то же время цифровые права человека также должны быть преобразованы в права, гарантированные и обеспечиваемые государственной принудительной силой, чтобы обеспечить их реальную реализацию. Исходя из этого, отношение цифровых прав человека к основным правам можно описать так: цифровые права человека составляют источник целей и содержания основных конституционных прав, при этом в основных конституционных правах заложено стремление к максимальной оптимизации реализации цифровых прав человека. Цифровые права человека — основа основных конституционных прав, и только их включение в конституцию может обеспечить их систематическую и эффективную защиту. Таким образом, переход от цифровых прав человека к основным правам, закрепленным в конституции, представляет собой процесс перехода от идеального должествования к должествованию юридическому. Для осуществления этой трансформации необходимо пройти через четыре ограничивающих шага (Чжан 2010, 22).

Во-первых, цифровые права человека выводятся из универсальных моральных полномочий в права внутри государства. Национальное государство обеспечивает организационную основу для реализации цифровых прав человека, а существующий международный порядок не функционирует в форме монизма внутреннего и международного порядка, как утверждал Г. Кельзен (Кельзен 2013, 517). Реальный порядок представляет собой бинарную структуру внутреннего и международного порядка, в рамках которой национальное государство является мощной опорой для обеспечения осуществления цифровых прав человека в пределах его страны. Если говорить о защите прав человека только в контексте международного права, то реализация цифровых прав человека — лишь вопрос морали. Однако трансцендентность самих цифровых средств делает защиту цифровых прав человека на уровне национального законодательства и транснациональный характер цифровых прав человека важными вопросами для законодательного регулирования.

Во-вторых, цифровые права человека вытекают из прав, имеющих универсальную моральную силу, и сводятся к институционализированным правам в рамках правового порядка. Для осуществления цифровых прав человека национальный правовой порядок должен быть авторитетным принудительным. До появления цифровых прав человека в стране ее правовой порядок уже существовал, и предыдущие три поколения прав человека были закреплены в основных конституционных правах, служащих предпосылкой для структурирования цифровых прав человека. Это означает включение цифровых прав человека в основные конституционные права при сохранении стабильности конституционного порядка. Внедрение цифровых прав в основные права требует как уважения к системам порядка, созданным и поддерживаемым конституционными основными правами, так и реализации институционализации цифровых прав путем переосмысления основных прав.

В-третьих, происходит превращение цифровых прав человека из абстрактных прав в права, обладающие качествами научного знания. Когда речь идет об осуществлении прав человека в области цифровых технологий, неизбежно возникает вопрос о том, каким образом действия отдельных лиц и общности могут быть обеспечены в соответствии с нормами поведения, требуемыми самими цифровыми правами человека. В этом случае затрагивается третье ограничение, связанное с цифровыми правами человека, а именно рационализация и научность познания.

Цифровые права человека обладают идеальными и абстрактными характеристиками, в то время как цифровое общество разнообразно и постоянно развивается, что неизбежно приводит к возникновению проблем познания, толкования и компромисса, основанных на цифровых науках, в связи с реализацией и применением цифровых прав человека. Следовательно, практика правовой защиты цифровых прав человека — междисциплинарный познавательный процесс, в котором участвуют как специалисты в области цифровых технологий, так и юристы.

В-четвертых, пределы жизни в сфере цифровых технологий, возникших во всем мире, сокращаются до позитивных прав, имеющих особую культурную ценность, т. е. цифровые права человека превращаются в обычаи. Культура здесь понимается не в широком смысле, т. е. не относится ко всем духовным продуктам в целом, а в узком, т. е. характеризуется качеством правовых норм (Чжан 2021b). Как сказал Ж.-Ж. Руссо, «для того, чтобы обнаружить наилучшие социальные правила, подходящие для каждого народа, необходима высшая мудрость, способная проникнуть во все человеческие чувства, не подчиняясь никаким чувствам» (Руссо 2009, 49–50). Превращение цифровых технологий в образ жизни отдельных национальных государств неизбежно представляет собой процесс локализации обычаев, а правовые гарантии прав человека в области цифровых технологий в каждой стране имеют специфические культурные и обычные особенности. Если цифровые технологии — это лишь посредник, то культурные формы сущностей также войдут в виртуальный цифровой мир и станут формами жизни в виртуальном пространстве.

Вышеизложенные четыре шага указывают путь для государств по уважению и защите цифровых прав человека, осуществляя переход от цифровых прав человека к основным конституционным правам. Они также закладывают основу для включения ценностей прав человека в цифровой форме в основные конституционные права и для реконструкции основных конституционных прав. Таким образом, основной путь институционализации цифровых прав человека уже ясен, что позволяет глубже исследовать конкретную институциональную систему Китая, чтобы обсудить структуру основных конституционных прав и систему защиты прав на цифровую информацию.

2.5. Перестроение основных конституционных прав на основании прав человека в условиях цифровизации

Появление прав человека в условиях цифровизации в качестве прав человека четвертого поколения означает, что законодательство должно обеспечивать оптимальное осуществление цифровых прав человека в рамках фактических и юридических возможностей, т. е. превращение их в нормы юридических принципов (Чжан 2010, 22). Это также означает, что цифровые права человека не соответствуют какому-то конкретному основному конституционному праву; их концепции и ценности должны быть включены в существующую систему гарантий прав человека, что изменяет структуру и содержание основных прав в целом (Алеху 1994, 32). Как отмечалось выше, Конституция Китайской Народной Республики¹¹ была

---

¹¹ 中华人民共和国宪法 [Конституция КНР. 04.12.1982]. Дата обращения 15 ноября, 2024. http://www.npc.gov.cn/zgrdw/npc/flsyywd/xianfa/2010-04/14/content_1567088.htm.

принята в период между второй и третьей промышленными революциями, и существующие основные права с трудом отвечают требованиям защиты прав человека в эпоху цифровых технологий, а традиционные отраслевые законы и стимулирующее законодательство в области цифровых технологий нуждаются в руководящих указаниях на конституционном уровне, в результате чего структура и содержание основных конституционных прав должны быть изменены на основе прав человека в области цифровых технологий.

При принятии Конституции КНР нельзя было предвидеть наступление цифровой эры, будь то положения о достоинстве личности, правах трудящихся, свободе общения и других основных правах; поправка 2004 г.¹², включившая в Конституцию «уважение и защиту прав человека государством», также относится к категории предыдущих трех поколений прав человека. В настоящее цифровое время при трансформации правовой системы стоит важная задача, заключающаяся в перестроении структуры и содержания основных конституционных прав с точки зрения цифровых прав человека, чтобы они могли адаптироваться к фундаментальной защите прав человека в цифровую эпоху и в то же время играть системную и ориентирующую роль в отраслевом законодательстве в период цифровой трансформации отраслевого законодательства.

Во-первых, согласно п. 3 ст. 33 Конституции КНР, «государство уважает и обеспечивает права человека». Это положение, являясь важным конституционным принципом, обеспечивает общую основу для толкования положений об основных правах. Положения о правах человека можно рассматривать в качестве общих, охватывающих права, которые не названы (Яо 2012, 72). Это положение выполняет функцию защиты неназванных основных прав и обеспечивает конституционную основу для нового толкования существующих основных прав. В эпоху цифровых технологий права человека, уважаемые и гарантируемые государством, могут быть истолкованы с точки зрения объективной цели таким образом, что они расширяются и охватывают права человека четвертого поколения, цифровые права человека. Иными словами, права человека, гарантируемые Конституцией, всегда содержат права на неограниченное развитие личности. Революция в области цифровых средств превратила цифровые права человека в самостоятельное, новое право, гарантированное Конституцией.

Во-вторых, ст. 38 Конституции Китая предусматривает, что «достоинство личности граждан КНР неприкосновенно». В научном сообществе широко распространено мнение о том, что цифровые права, такие как личная информация, призваны защитить цифровую личность индивида. Однако до сих пор нет точного объяснения того, что такое цифровая личность. Как уже было сказано, цифровая личность не индивидуальна, а транслична. Именно на основе революционных цифровых средств личность осуществляет трансграничное расширение из физического пространства в киберпространство, которое бесконечно обширно, и личность также может бесконечно расширяться. С учетом трансграничного характера цифровой личности и защиты интересов и прав на личную информацию ключевой задачей законодательной защиты личной информации является не рассмотрение личной информации как объекта (тем самым формируются традиционные гражд-

¹² 中华人民共和国宪法修正案 [Поправка к Конституции КНР. 14.03.2004]. Дата обращения 15 ноября, 2024. http://www.npc.gov.cn/zgrdw/npc/zt/qt/gjxfz/2014-12/03/content_1888091.htm.

данские права владения, использования, получения дохода и т. д.), а преодоление препятствий для расширения личности владельца личной информации, вызванных ненадлежащим сбором или обработкой личной информации и избежание ненужного вмешательства в расширение личности.

В-третьих, согласно ст. 13 Конституции КНР, «законная частная собственность граждан неприкосновенна». Как правило, имущество включает как материальные, так и нематериальные объекты, например интеллектуальную собственность. В цифровую эпоху понятие собственности должно быть расширено до виртуальных объектов. Некоторые ученые называют это виртуальной собственностью и определяют как «собственность, имеющую ценность имущества, существующую в форме электромагнитных данных в киберпространстве» (Чэнь 2017, 155). Одна из проблем такого определения заключается в том, что оно признает существование виртуальной собственности, но игнорирует транспространственность собственности, т. е. то, что виртуальная собственность поддерживается цифровыми средствами. Во многих случаях вопросы о том, является ли физическая форма виртуальной собственности частью виртуального имущества, включает ли право собственности в физической форме имущественные права в цифровой форме, необходимо уточнить на уровне основных прав. На самом деле прошлая эпоха и мышление, основанные на едином физическом пространстве, уже закончились, и перемещение, переход между физическим и виртуальным пространствами стали основной формой человеческой жизни. Поэтому хотя понятия физической и виртуальной собственности, на первый взгляд, кажутся четко разделенными, на практике они не соответствуют трансграничному существованию вещей. По сравнению с правами собственности в традиционном физическом мире, использование понятия «цифровая собственность» для имущества в сетевом пространстве более уместно. Преимущество понятия «цифровое имущество» перед понятием «виртуальное имущество» заключается в том, что оно не отрицает физическую форму имущества, а подчеркивает, что одно и то же имущество может существовать одновременно в физической и виртуальной формах, что эти понятия не изолированы и не противопоставлены. В обычном понимании в физическом мире имущество делится на движимое, недвижимое и интеллектуальное. Их ценность заключается как в обеспечении стабильности человека («имеющий постоянное имущество имеет устойчивое состояние души»¹³), так и в способствовании расширению личности в физическом пространстве. Цифровое имущество, в свою очередь, позволяет личности переходить между физическим и виртуальным пространством, она может бесконечно расширяться в виртуальное пространство и заселяться в каком-либо его месте. Например, электромагнитные данные, выступающие обычной формой существования цифрового имущества, не являются центральным элементом определения цифрового имущества, суть которого заключается в защите трансграничности и устойчивости расширения личности. Рассматривающие цифровое имуще-

---

¹³ «Человек, имеющий постоянное имущество, имеет устойчивое состояние души», — это изречение известного китайского философа Мэн-цзы, жившего 2000 лет назад, содержится в его труде «Мэн-цзы». Смысл этой фразы заключается в том, что, если человек обладает стабильным имуществом или ресурсами, он может иметь стабильное, устойчивое состояние духа, и это позволяет ему лучше справиться с различными вызовами и трудностями жизни. Здесь подчеркивается важная роль материальной основы для стабильности психологического состояния.

ство как данные или цифровые продукты не улавливают суть цифрового имущества (Чжэн 2022, 106). Таким образом, положения конституции о праве собственности должны быть расширены в толковании, чтобы соответствовать потребностям цифровой эпохи.

В-четвертых, в соответствии со ст. 40 Конституции КНР, «свобода и тайна общения граждан КНР охраняются законом». С точки зрения цели законодательной защиты право на общение не ограничивается защитой средств связи в физическом пространстве, таких как телефон, факс, телеграф, корреспонденция, а также защитой свободы и тайны общения, достигаемых с помощью средств связи, и, что более важно, защитой расширенных прав личности. Традиционные СМИ (факс, телеграф, письмо) принесли человечеству ограниченное расширение личности, а появление сетевых СМИ сделало возможным бесконечное расширение личности. Таким образом, право на общение в эпоху цифровых технологий действительно вступило в свою эру. Если понимать его в более широком смысле как право на СМИ, то можно обнаружить, что ряд прав, таких как право на свободу слова, публикации, радио и телевидение, относятся к числу нижестоящих прав, которые были новы и важны в эпоху второй промышленной революции, но в эпоху цифровых технологий являются простыми и обычными и могут быть защищены в рамках права на СМИ. По мере углубления революции в области цифровых технологий, когда цифровые СМИ объединяют различные традиционные СМИ, отпадет необходимость в отдельном регулировании прав, связанных со СМИ.

В-пятых, согласно ст. 42 Конституции КНР, «граждане КНР имеют право и обязанность трудиться». Интернет-платформы перестраивают способы производства человечества, в настоящее время появились различные экономические формации, такие как гиг-экономика, основанная на временной и внештатной работе, и платформенная экономика, данные стали новым фактором производства, алгоритмы перешли от управления вещами к регулированию людей, размывается форма соединения «труда» и «трудящихся». Цифровые права человека, направленные на защиту бесконечного расширения личности, означают, что трудящийся может осуществлять производство, обработку, продажу и другие виды труда с использованием цифровых средств. Однако ни процесс труда, ни получение результатов труда не должны происходить за счет унижения личного достоинства трудящегося. Особенно важно то, что благодаря расширению прав и возможностей с помощью цифровых средств капитал достиг экспоненциального роста как в масштабе, так и в эффективности операций, а старое мышление и вычислительные стандарты не могут быть приспособлены к защите прав и интересов трудящихся в цифровую эпоху. И алгоритмы, и доходность капитала, и стандарты оплаты труда сталкиваются с вызовами цифрового капитализма. Следовательно, для полной защиты прав и интересов трудящихся необходимо переопределить границы между капитализмом и социализмом в цифровую эпоху, сдерживать беспорядочное расширение капитала под воздействием цифрового расширения возможностей. Для определения границ трудовых прав, обеспечивающих право на труд и занятость, а также для установления границ между машиной и человеком, ограничения границы капитальной прибыли рационально определить продолжительность рабочего времени и доходы трудящихся.

Появление цифровых прав человека привело к революционным изменениям в основных правах, которые продолжают расширяться и неизбежно затрагивать

все большее число правовых отношений. Сказанное может служить основой для включения цифровых прав человека в основные конституционные права, что добавляет цифровые права человека в архитектуру основных прав. С учетом новых форм бизнеса, сценариев и форм жизни, которые будут появляться в будущем, все большее количество цифровых прав человека будет включено в основные права. Переход цифровых прав человека в число основных требует нового толкования положений Конституции КНР, касающихся основных прав, в соответствии с концепцией цифровых прав человека, а также преобразования китайского законодательства. Таким образом, концепция цифровых прав человека может быть действительно воплощена в специальных законах в области цифровых технологий, в традиционных отраслях права и в конвенциях по правам человека; затем может быть успешно сформирована система обеспечения цифровых прав человека в Китае.

3. Выводы

Человеческая цивилизация развивалась от низшего к высшему уровню, последовательно пройдя через три различные цивилизационные формы: охотничью, сельскохозяйственную и индустриальную, и теперь вступила в цифровую цивилизацию, характеризующуюся цифровизацией и алгоритмизацией. Цифровая цивилизация, подразумевающая освоение цифровых технологий, способствующих благополучию человека, требует не только того, чтобы цифровые технологии приносили пользу тем, кто знаком с цифровыми технологиями и может позволить себе их использование, но и более выгодного перераспределения научных ресурсов в пользу тех, кто не знаком с цифровыми технологиями или не имеет возможности их пользоваться (Ян 2020, 132). Однако у цифровых технологий есть и обратная сторона, которая требует, чтобы цифровые права человека, коренящиеся в цифровых атрибутах человека и воплощающие конституционные ценности, направляли и регулировали цифровые технологии. Согласно принципу «человек превыше всего» обеспечивается здоровое развитие в направлении, гарантирующем, что в будущем человечество всегда будет доминировать.

Библиография

- 王利明. 2012. 《电子信息安全关乎人格尊严》, 光明日报 12月27日第15版 [Ван, Л. 2012. «Электронная информационная безопасность связана с человеческим достоинством». *Свет* 27 (12): 15].
- 高一飞. 2022. 《数字时代的人权何以重要: 论作为价值系统的数字人权》. *现代法学* 3: 150–165 [Gao, И. 2022. «Почему права человека важны в эпоху цифровых технологий: о цифровых правах человека как системе ценностей». *Современная юридическая наука* 3: 150–165].
- 詹姆斯·格里芬. 2015. 论人权. 南京: 译林出版社 [Гриффин, Д. 2015. *О правах человека*. Пер. с англ. Нанкин: Илин].
- 丁晓东. 2022. 《论“数字人权”的新型权利特征》. *法律科学 (西北政法大学学报)* 6: 52–66 [Дин, Сяодун. 2022. «О новых характеристиках “цифровых прав человека”». *Юридические науки (Журнал Северо-Западного университета политики и права)* 6: 52–66].
- 凯文·凯利. 2016. 失控—全人类的最终命运和结局. 北京: 中国工信出版集团 [Келли, К. 2016. *Из-под контроля — окончательная судьба и результат всего человечества*. Пер. с англ. Пекин: Изд-во Китайской промышленности и информационных технологий].
- 汉斯·凯尔森. 2013. 法与国家的一般理论. 北京: 商务印书馆 [Кельзен, Г. 2013. *Общая теория права и государства*. Пер. с англ. Пекин: Коммерческая пресса].

- 科斯塔斯·杜兹纳. 2002. 人权的终结. 南京: 江苏人民出版社 [Дузина, К. 2002. *Конец прав человека*. Пер. с англ. Нанкин: Народное изд-во провинции Цзянсу].
- 马长山. 2019. 《智慧社会背景下的“第四代人权”及其保障》. 中国法学 5: 5–24 [Ма, Ч. 2019. «Четвертое поколение прав человека и их защита в контексте умного общества». *Китайская юридическая наука* 5: 5–24].
- 阿莱克斯·彭特兰. 2015. 智慧社会—大数据与社会物理学. 杭州: 浙江人民出版社 [Пентленд, А. 2015. *Умное общество — большие данные и социальная физика*. Пер. с англ. Ханчжоу: Народное изд-во провинции Чжэцзян].
- 让·雅克·卢梭. 2009. 社会契约论. 北京: 商务印书馆 [Руссо, Ж.-Ж. 2009. *Общественный договор*. Пер. с англ. Пекин: Коммерческая пресса].
- 张龔. 2010. 《论人权与基本权利的关系—以德国法和一般法学理论为背景》. 法学家 6: 17–27 [Чжан, Я. 2010. «О взаимосвязи между правами человека и основными правами — на основе немецкого права и общей теории права». *Юрист* 6: 17–27].
- 张龔. 2021a. 《网络空间安全立法的双重基础》. 中国社会科学 10: 83–104 [Чжан, Я. 2021a. «Двойная основа законодательства по безопасности киберпространства». *Китайская общественная наука* 10: 83–104].
- 张龔. 2021b. 《例外状态与文化法治国》. 法学家 4: 16–30 [Чжан, Я. 2021b. «Чрезвычайное положение и культурное правопорядок». *Юрист* 4: 16–30.]
- 吴军. 2016. 智能时代—大数据与智能革命重新定义未来. 北京: 中信出版集团 [У, Цзюнь. 2016. *Интеллектуальная эра: большие данные и интеллектуальная революция переопределяют будущее*. Пекин: СИГИС].
- 卢恰诺·弗洛里迪. 2018. 信息伦理学. 上海: 上海译文出版社 [Флориди, Л. 2018. *Информационная этика*. Пер. с англ. Шанхай: Шанхайское изд-во переводов].
- 张新宝、许可. 2016. 《网络空间主权的治理模式及其制度构建》. 中国社会科学 8: 139–158 页 [Чжан, С., К. Сюй. 2016. «Модель управления и институциональное построение суверенитета в киберпространстве». *Китайская общественная наука* 8: 139–158].
- 周叶中、张权. 2021. 《宪法发展: 中国现行宪法变动方式的理论言说》. 华东政法大学学报 3: 82–92 [Чжоу, Е., Ц. Чжан. 2021. «Конституционное развитие: теоретическое объяснение изменений в действующей конституции Китая». *Журнал Восточно-Китайского университета политики и права* 3: 82–92].
- 郑佳宁. 2022. 《数字财产权论纲》. 东方法学 2: 106–119 [Чжэн, Ц. 2022. «Основы прав цифровой собственности». *Восточная юридическая наука* 2: 106–119].
- 陈兴良. 2017. 《虚拟财产的刑法属性及其保护路径》. 中国法学 2: 146–172 [Чэнь, С. 2017. «Уголовно-правовые признаки виртуальной собственности и пути ее защиты». *Китайская юридическая наука* 2: 146–172].
- 杨学科. 2020. 《数字宪治主义研究》, 吉林大学 2020 年博士学位论文, 第 132 页 [Ян, С. 2020. *Исследование цифрового конституционализма*. Дис. д-ра Цзилиньского университета].
- 杨学科. 2022. 《第四代人权论: 数字时代的数字权利总纲》, 山东科技大学学报 (社会科学版) 2: 10–22 [Ян, С. 2022. «Четвертое поколение прав человека: основы цифровых прав в цифровую эпоху». *Журнал Шаньдунского университета науки и технологий (социальная наука)* 2: 10–22].
- 姚岳绒. 2012. 《论信息自决权作为一项基本权利在我国的证成》. 政治与法律 4: 72–83 [Яо, Ю. 2012. «Об обосновании права на информационное самоопределение как основного права в Китае». *Политика и право* 4: 72–83].
- Alexy, R. 1994. *Theorieder Grundrechte*. Frankfurt: Frankfurt Press.
- Klimburg, A. 2017. *The darkening web: The war for cyberspace*. New York: Penguin Press.

Статья поступила в редакцию 26 февраля 2024 г.;
рекомендована к печати 30 июля 2024 г.

Контактная информация:

Гун Нань — д-р юрид. наук; gong525@163.com

The fourth generation of human rights in a smart society and its change in fundamental rights*

Gong Nan

Heilongjiang University,
74, Xuefu Road, Harbin, 150080, People's Republic of China

For citation: Gong Nan. 2024. "The fourth generation of human rights in a smart society and its change in fundamental rights". *Vestnik of Saint Petersburg University. Law* 4: 1153–1176. <https://doi.org/10.21638/spbu14.2024.415> (In Russian)

With the in-depth development of the digital economy and smart society, the form of human rights is undergoing a profound digital restructuring, thereby disrupting the existing development model of the third generation of human rights and opening up the fourth generation of human rights, represented by "digital human rights". The concept of digital human rights can be defined as the legal right of a person to endlessly expand his personality through digital means, the central feature of which is transboundary, that is, each person lives in a transdimensional, transnational and transpersonal cyberspace. Digital human rights stem from the information revolution, which acts as the driving force for their development. There was a fundamental turn in their intensional logic. Qualitative modernization has been achieved in the essence of values. Within the relationship there is a social expansion of interrelated obligations. To do this, it is necessary to develop a completely new vision of digital human rights, define the connotation of the concept of digital human rights, summarize the characteristics of digital restructuring of forms of human rights and study the need for their institutionalization, thereby ensuring effective legal protection of digital human rights. The most important thing in building a mechanism protection of digital human rights is whether digital human rights can enter the scope of constitutional protection. As for the Chinese Constitution, the type and content of fundamental rights enshrined in it are generally based on the results of the second industrial revolution. Digital human rights will change the structure and content of most fundamental rights in the future, including changing fundamental rights such as personality rights, property rights, communication rights and labor rights, etc., provided for by the People's Republic of China Constitution, and promote the establishment of China's legal protection system digital human rights based on the constitution.

Keywords: smart society, human rights, information revolution, digital human rights, digital characteristics, fundamental rights, constitutional rights.

References

- Alexy, R. 1994. *Theorieder Grundrechte*. Frankfurt, Frankfurt Press.
- Chen, X. 2017. "The criminal law attributes of virtual property and its protection path". *Zhōng guó fǎ xué* 2: 146–172. (In Chinese)
- Douzina, C. 2002. *The end of human rights*. Chin. ed. Transl. by Guo Chunfa. Nanjing, Jiāng sū rén mín chū bǎn shè Publ. (In Chinese)
- Ding, Xiaodong. 2022. "On the new rights characteristics of digital human rights". *Fǎ lǚ kē xué (xī nán zhèng fǎ dà xué xué bào)* 6: 52–66. (In Chinese)
- Floridi, L. 2018. *Information ethics*. Chin. ed. Transl. by Xue Ping. Shanghai, Shàng hǎi yì wén chū bǎn shè Publ. (In Chinese)

---

* The study was supported by the Heilongjiang Province Philosophy and Social Sciences Research and Planning project no. 22FXB102.

- Gao, Y. 2022. "What matters to human rights in the digital age: On digital human rights as a value system". *Xiàn dài fǎ xué* 3: 150–165. (In Chinese)
- Griffin, J. 2015. *On human rights*. Chin. ed. Transl. by Xu Xiangdong. Nanjing, Yi lín chū bǎn shè Publ. (In Chinese)
- Kelsen, H. 2013. *The general theory of law and state*. Chin. ed.: Transl. by Shen Zongling. Beijing, Shāng wù yìn shū guǎn Publ. (In Chinese)
- Kelly, K. 2016. *Out of control — The final destiny and end of all humanity*. Beijing, Zhōng guó gōng xìn chū bǎn jí tuán Publ. (In Chinese)
- Klimburg, A. 2017. *The darkening web: The war for cyberspace*. New York, Penguin Press.
- Ma, Ch. 2019. "Fourth-generation human rights' and their safeguards in the context of the smart society". *Zhōng guó fǎ xué* 5: 5–24. (In Chinese)
- Pentland, A. 2015. *The intelligent society: Big data and social physics*. Chin. ed. Transl. by Wang Xiaokai. Zhejiang, Zhè jiāng rén mín chū bǎn shè Publ. (In Chinese)
- Rousseau, J.-J. 2009. *The social contract*. Chin. ed. Transl. by He Zhaowu. Beijing, Shāng wù yìn shū guǎn Publ. (In Chinese)
- Wang, Liming. 2012. "Electronic information security is a matter of human dignity". *Guāng míng rì bào*, 27 (12): 15. (In Chinese)
- Wu, Jun. 2016. *The age of intelligence — Big data and the intelligence revolution redefine the future*. Beijing, Zhōng xìn chū bǎn jí tuán Publ. (In Chinese)
- Yang, X. 2020. "Research on digital constitutionalism". PhD Thesis, Jilin University. (In Chinese)
- Yang, X. 2022. "The fourth generation human rights theory: A general outline of digital rights in the digital era". *Shān dōng kē jì dà xué xué bào (shè huì kē xué bǎn)* 2: 10–22. (In Chinese)
- Yao, Y. 2012. "On the evidence of the right to information self-determination as a fundamental right in China". *Zhèng zhì yǔ fǎ lǜ* 4: 72–83. (In Chinese)
- Zhang, X, Xu Ke. 2016. "The governance model of cyberspace sovereignty and its institutional construction". *Zhōng guó shè huì kē xué* 8: 139–158. (In Chinese)
- Zhang, Y. 2010. "On the relationship between human rights and fundamental rights — Against the background of German law and general legal theory". *Fǎ xué jiā* 6: 17–27. (In Chinese)
- Zhang, Y. 2021a. "The dual basis of cyberspace security legislation". *Zhōng guó shè huì kē xué* 10: 83–104. (In Chinese)
- Zhang, Y. 2021b. "The state of exception and the state of cultural rule of law". *Fǎ xué jiā* 4: 16–30. (In Chinese)
- Zheng, J. 2022. "An outline of digital property rights". *Dōng fāng fǎ xué* 2: 106–119. (In Chinese)
- Zhou, Y, Q. Zhang. 2021. "Constitutional development: A theoretical discourse on China's current mode of constitutional change". *Huá dōng zhèng fǎ dà xué xué bào* 3: 82–92. (In Chinese)

Received: February 26, 2024

Accepted: July 30, 2024

Author's information:

Nan Gong — Dr. Sci. in Law; gong525@163.com